

18+

ПОЛИНА ВАСМЕР

За кусок пластика

Полина Васмер
За кусок пластика

«Издательские решения»

Васмер П.

За кусок пластика / П. Васмер — «Издательские решения»,

«За кусок пластика» — откровенная история о жизни мигранта без прикрас. О бюрократии, способной сломать человека. О попытках сохранить себя там, где тебя всё время пытаются встроить в систему. О любви, страхе, унижении, адаптации и тихом внутреннем бунте. Это книга не о переезде в Европу. Это книга о цене, которую иногда приходится платить за право начать жизнь заново. Для тех, кто устал от глянцевого историй. Для тех, кто готов смотреть правде в глаза.

© Васмер П.

© Издательские решения

Содержание

«За кусок пластика»	6
Полина Васмер, 2026	7
Пролог	7
1	8
Конец ознакомительного фрагмента.	22

За кусок пластика

Полина Васмер

© Полина Васмер, 2026

ISBN 978-5-0070-2302-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«За кусок пластика»

Данная книга основана на реальных событиях и личном опыте автора. Однако имена, фамилии, названия организаций, локации и некоторые детали были изменены в целях защиты частной жизни и конфиденциальности. Любые совпадения с реальными лицами, организациями или событиями являются случайными и не имеют целью оскорбить или дискредитировать кого-либо.

Текст отражает исключительно субъективный взгляд, видение и оценку автора. Описанные ситуации не являются инструкцией к действию или юридической консультацией.

Автор не несет ответственности за решения, принятые читателями на основе информации, изложенной в книге.

Полина Васмер, 2026

Пролог

Эту книгу я посвящаю моему отцу.

Он пытался меня предостеречь. Но я была слишком уверена в себе, чтобы слушать.
Выбрала свой путь.

И только спустя годы поняла: он оказался прав. Во всем.

1

18 декабря 2017 года. Вылет из Борисполя в Штутгарт запланирован на 10:30. Как же долго я к этому шла. Через что пришлось пройти, знаю и буду знать только я.

Всю ночь я ехала скорым поездом — и вот уже почти центральный вокзал Киева. Времени достаточно: отсюда на такси, и я в аэропорту. Все формальности пройдены, виза на воссоединение семьи одобрена. И вот я уже сижу в кресле у иллюминатора.

Через пару часов начнётся новая жизнь. «Теперь всё будет по-другому», — думала я, держа в руках посадочный талон. Мои мечты наконец-то сбудутся. Европа, о которой я так долго мечтала, встречай.

Конечно, я была взволнована. Я точно не знала и не могла знать, что ждет впереди, но что бы там ни было

— почему-то верила, что справлюсь. Ох уж эти наши ожидания... как же они далеки от реальности.

Погода в тот день выдалась по-настоящему зимней.

Всю ночь шел снег, не переставая, заматывая взлетную полосу. Наш самолет уже несколько раз обрабатывали от обледенения. Пассажирам раздали лотки с едой — рейс задерживали из-за погоды. В конечном итоге, после четырех часов, проведенных в душном салоне, нам объявили: сегодня мы уже точно

никуда не полетим. Вылет перенесли на завтра. Всем иногородним обещали гостиницу.

Теперь, спустя n-ное количество лет, мысленно возвращаясь в этот день, я отчетливо понимаю: вселенная не просто предупреждала. Она кричала мне в рупор. Как в том незабываемом меме с Януковичем: «Астанавитесь!!!!!»

Но я, как и многие отъезжающие, была слишком занята чемоданами, билетами и твердой верой в то, что «там» будет лучше.

Тогда я думала, что это просто задержка. Сейчас понимаю — это был вопрос: «Если бы я заранее знала весь сценарий, все равно полетела бы?»

Видимо, я из тех, кого даже собственные ошибки ничему не учат. И да, мой честный ответ: я все равно вошла бы в эту дверь.

Не знаю, откуда взялась моя идея фикс —

«получить европейские документы», но, сколько себя помню, я всегда хотела уехать на Запад.

Именно поэтому я вцепилась в этого престарелого европейца — старше меня на двадцать пять лет.

Возраст, который невозможно было скрыть ни душем, ни парфюмом.

Расчет был предельно прозрачным: я отдаю ему три года жизни, делю постель, он тешит эго и удовлетворяет фантазии — а в обмен я получаю немецкое гражданство. Вслух, разумеется, ничего не проговаривали, но договоренность висела в воздухе. Все это понимали. Мы — тоже.

Стоило нам начать жить вместе, как сценарий рухнул. Он оказался жестким абьюзером и манипулятором. Контролировал каждый шаг, проверял телефон. Внезапно появлялся в дверях фитнес-студии — убедиться, что я действительно там, а не где-то еще. Высчитывал время в пути из точки А в точку Б. Любая нестыковка превращалась в многочасовой допрос. Заходил в ванную и туалет без стука — будто я уже не человек, а объект наблюдения.

Меня хватило чуть больше чем на три месяца: я плакала ночами, не могла есть и в какой-то момент была готова бежать куда угодно — лишь бы подальше от этого человека.

К слову, по профессии он оказался полицейским в отставке. Но привычка фиксировать, проверять и держать все под контролем никуда не делась — она просто перекочевала в быт.

А потом, когда пелена спала, я поняла: это не я в него вцепилась. Это он нашел идеальную жертву.

Одинокую иностранку в чужой стране, которая не знает ни законов, ни языка, ни единой живой души, с кем можно просто поговорить.

Здесь брак давно превратился в бизнес-проект.

Слишком много рисков, чтобы доверять партнеру на сто процентов.

Мой «спаситель» оказался классическим сбитым летчиком: два развода, ипотека, пятнадцатилетний Fiat Punto и гардероб, который пора обновлять — вместе с дырявыми трусами.

Я думала, что мне повезло. Оказалось — все наоборот. В Германии запутанная налоговая система: официальный брак автоматически переводил нас в третий и пятый классы, и его отчисления падали почти вдвое. Это раз. Два — экономия на женщинах, за которых раньше приходилось платить. Три — бесплатная домработница, которая готовит, убирает и молчит. Сплошные плюсы. Из минусов — только языковой барьер. Но и это было лишь вопросом времени.

Когда я переезжала, я очень смутно представляла свое будущее. Знала только одно: хочу просыпаться без будильника. Чтобы в холодильнике всегда было все необходимое, на столе — горячий чай и хлеб с маслом. Чтобы никто не спрашивал, куда уходят деньги, и не требовал отчета за каждый час. В общем, не самые амбициозные запросы. Поэтому моя

«ставка», как мне тогда казалось, должна была сыграть.

Но я совершенно не была готова к совместной жизни с человеком, который годился мне в отцы, — да еще и с диаметрально противоположным менталитетом и явно нездоровой психикой.

Однажды вечером мы остались вдвоем на кухне. Я стояла у плиты, готовила ужин, он сидел за столом и листал что-то в телефоне. И вдруг неожиданно спросил: — Знаешь, где на теле человека самые теплые места?

Вопрос прозвучал так спокойно, будто речь шла о погоде или о том, какой фильм посмотреть на вечер. На секунду я замерла, потом повернулась, пытаюсь понять, что именно он имеет в виду.

— Не знаю, — сказала я. — И где?

Он ухмыльнулся. Глаза загорелись тем странным блеском, который меня всегда пугал.

— Когда я работал в полиции, мы выехали на место убийства. Труп пролежал уже несколько дней.

Я почувствовала, как сжимаются мышцы. Набрала побольше воздуха в легкие и, не отводя взгляда, продолжила слушать.

— И в нем завелись черви, — продолжил он почти весело, словно рассказывал анекдот.

— Максимальное скопление было... в районе рта и паха.

Он тихо хихикнул. Я ничего не ответила, лишь продолжила помешивать содержимое сковороды, делая вид, что очень занята готовкой.

В тот момент я подумала, что, возможно, все-таки недооценила историю, в которую ввязалась.

Не знаю, за какие заслуги мне достался «Касатка». Но сегодня это единственный человек в моей жизни, с которым мы вместе уже девятый год. Для моей личной статистики — срок, близкий к историческому. Он стал другом, мужем и опорой в одном флаконе.

Иногда у нас даже мысли совпадают.

Познакомились мы в фитнес-студии. Тогда у меня созрела грандиозная идея: выйти на сцену в категории «фитнес-бикини». Я пропала в зале по несколько часов, фанатично счи-

тала БЖУ, пересматривала видео именитых бикинисток и даже заказала прозрачные туфли на шпильке, чтобы оттачивать позинг перед зеркалом.

Кроме того, зал стал единственным местом, где я могла дышать полной грудью и не подстраиваться под человека, который к тому моменту вызывал у меня уже не раздражение, а почти физическое отторжение.

«Касатка» — производное от фамилии Кассаткин.

Марк. Старше меня на десять лет. Спортивный, интеллигентный, внимательный. Всегда безупречно одет и приятно пах. Химия между нами случилась сразу.

Единственное, что удерживало меня от прыжка в эти отношения — математика. Три года официального брака с господином Васмером ради паспорта. Слишком многое стояло на кону, чтобы пустить все на самотек из-за внезапной симпатии.

Да, он нравился мне — и как мужчина, и как собеседник. Но я тормозила: во-первых, не хотела стать очередной «историей на один сезон», а во-вторых — откровенно боялась за собственное будущее.

Какое-то время мы балансировали на грани дружбы. Я вываливала на него проблемы с немцем, он спокойно разъяснял права законной супруги, цитировал параграфы и приводил примеры из жизни знакомых.

С ним было легко: совпадал не только менталитет, но и чувство юмора, можно было говорить обо всем. И главный бонус: прожив в Германии двадцать лет, он так и не превратился в зомбака системы. А в

качестве финального штриха — он как раз развелся. С той самой женщиной, с которой когда-то переехал сюда и вырастил двоих дочерей.

Все изменил один случай. Мы с «Касаткой» снова встретились на тренировке: сначала позанимались, потом перешли в соседний зал на растяжку. Сидели, болтали — и вдруг в зеркальном отражении я вижу: к нам идет сын-подросток моего немца. Вместе с его бывшей женой. Когда они подошли, Рита сразу перешла к делу:

— У Штэфана случился инсульт. Он в стационаре. Нужно собрать его личные вещи и отвезти в больницу.

Несмотря на то что к этому человеку я испытывала лишь раздражение, новость меня оглушила. Я не сразу осознала масштаб случившегося. На ватных ногах уселась в машину Риты, лихорадочно соображая: что теперь?

Дальше все пошло, как будто по заранее написанному сценарию. Две недели немец пролежал в местной клинике, а я, как полагается, исправно играла роль заботливой жены: днем навещала, вечерами встречалась с «Касаткой».

А после больницы его отправили на реабилитацию в санаторий. На целых три недели.

За это время наши с Марком отношения закрутились с реактивной скоростью.

Он рассказал свою историю: конец девяностых, Казахстан, экономика летит втартарары, заводы встают, зарплаты задерживают, безработица растет. Кто-то рванул в Россию, кто-то в Европу. А тут как раз работала программа репатриации этнических немцев.

Марк к тому времени уже несколько лет был женат на Леночке. Именно этот брак и стал его билетом в благословенный фатерлянд. Приехав, он прошел полугодовые языковые курсы и сразу попал на завод Audi. Там, кстати, до сих пор у каждого сотрудника есть личный номер. Не имя. Номер.

В три смены он отпахал чуть больше десяти лет.

Головы не поднимая — обеспечивал себя, Леночку и двух дочерей. Казалось бы, жизнь удалась. Почти по канону «немецкой мечты»: две машины, ипотека на тридцать лет, жена-хозяйка и дети, которые пока только радуют.

Так уж вышло, что моего нового героя сократили. И тут музыка заиграла совсем по-другому. Какое-то время он еще получал семьдесят процентов от своей, на тот момент весьма солидной, зарплаты. Но как только срок выплат истек, Ленок подала на развод.

Женщина с детьми в Германии защищена законом безупречно. Решение в таких случаях почти не оставляет пространства для маневра. Поэтому моему

«Касатке» не оставалось ничего, кроме как съехать в никуда. Оставив квартиру, машину, прежнюю жизнь. И повесить на себя алименты — словно оплачивая счета за прошлое.

По предложению своей младшей сестры, которая когда-то перебралась в Германию по схожей схеме, он поселился у нее на первое время.

Регина уже была разведена. Первый муж, русский немец, годился ей то ли в отцы, то ли в дедушки.

Через год брак распался — подвернулся вариант получше в лице Николая, от которого она позже родила двоих детей.

Регина была экстравагантной особой, не чуждой алкоголю и совершенно противоположной брату — и по характеру, и по манере держаться. Яркая помада, громкий смех, броская одежда, уверенность в каждом жесте. Главной жизненной целью для нее было продать себя подороже — и, надо признать, получалось неплохо. Рядом с теми, кого она считала «бесперспективными», она никогда надолго не задерживалась. Но стоило появиться человеку с деньгами и статусом — карие глазки начинали блестеть по-особенному, улыбка растягивалась, а позы и жесты становились откровенно недвусмысленными.

Наша первая встреча с Региной состоялась в ее съемной квартире, куда Марк пригласил меня на ужин. Она стояла у окна в узких джинсах, подчеркивающих ее женственную фигуру, в ярко-красной кофте. Вечерний макияж, идеально уложенные волосы, безупречный маникюр.

— Ну наконец-то, — сказала она, окинув меня быстрым оценивающим взглядом.

— Я думала, ты выше. Сказано было с улыбкой, но я сразу поняла: она любит расставлять людей по полкам еще до того, как те успеют представиться. Она двигалась по кухне уверенно, как хозяйка не только квартиры, но и самой ситуации. Телефон лежал рядом, экран то и дело загорался: сообщения, уведомления, какие-то мужские имена. Она мельком просматривала их, чуть улыбалась и возвращалась к разговору. Познакомившись и выпив по бокалу красного, она собралась на свидание с очередным поклонником из Швейцарии.

Наш городок стоял прямо на границе, и сюда частенько заезжали швейцарские бюргеры за более дешевыми услугами.

Собственно, Регина тут почти не жила. Квартира служила ей почтовым адресом и складом для обширного гардероба. После расставания с Николаем

— младшего, еще несовершеннолетнего сына он забрал к себе — разумеется, чтобы без лишних

сложностей уклониться от алиментной повинности. Регина же осталась одна со старшим, уже взрослым сыном в трехкомнатной квартире, за которую платило государство. Официально она числилась как

«ищущая работу».

На эти три недели, пока мой благоверный восстанавливал здоровье в санатории, я перебралась к «Касатке». Никто никому не мешал, у каждого было свое пространство. Казалось, мы с Региной и ее взрослым сыном неплохо ладили.

Но три недели прошли — и реальность напомнила о себе. Немец вернулся домой. Мне пришлось вернуться к нему.

Я знала, что такие болезни не проходят бесследно. На практике это подтвердилось мгновенно: его и без того тяжелый характер будто умножили на сто. Он стал срываться по любому

поводу — даже звон ложки о чашку выводил его из себя. Подозрительность вышла за все мыслимые пределы, требования стали жестче. Он просто не давал мне дышать. Его ментовская чуйка уже подсказывала: у меня кто-то появился.

Я старалась вести себя как раньше, чтобы он ничего не заподозрил. С одной стороны, я рисковала потерять ВНЖ — а с ним закрылись бы многие двери в Европе. С другой — я наконец встретила человека, которого, возможно, искала всю жизнь. Мне было

уже тридцать шесть. Один развод, несколько неудачных отношений, определенный жизненный опыт — все это подсказывало: он не просто очередной транзитный пассажир.

«Касатка» мне ничего не обещал. Да и что он мог тогда обещать, когда сам был выброшен на обочину жизни: без денег, без стабильной работы, с грузом алиментов и вынужденный ежедневно подстраиваться под биполярные качели Регины.

Все потому, что в Германии найти жилье иностранцу — тем более без официальной работы и банковского счета, как у миллионера, — миссия невыполнима.

Он прекрасно понимал, что ему нечего предложить мне, кроме себя самого. Тем не менее я четко осознавала: так продолжаться дальше не может. Я больше не хотела физически быть с человеком, от которого уже воротило, — ради призрачных европейских документов. А мыслями, делами, всей душой — уже давно с другим.

Дни шли, я жила в каком-то тумане. Четко отдавала себе отчет: если сейчас испугаюсь, потом не прощу себе никогда. Было до жути страшно за неопределенное будущее. С немцем — это медленное гниение. С «Касаткой» — лотерея с неизвестным финалом. Выбор не из легких. Но именно мне предстояло его сделать.

В один из обычных летних вечеров, когда жара уже спала и дело шло к ночи, мой немец по уже сложившейся традиции спросил:

— Кто из нас первый пойдет в ванную? Я хочу *Kurz ficken* → грубо: нем.«быстро заняться сексом» /

«быстрый перепих» (разговорно, очень грубо).

— Иди первым.

Я всегда старалась оттянуть этот момент. Но умом понимала, что это неизбежно.

Раньше я любила вечера. Вечер и ночь были моими любимыми временами суток, когда привычный мир замирает и становится особенным. Но теперь все изменилось. Чем темнее становилось за окнами, тем сильнее сжималось все внутри.

Когда все закончилось, я молча встала с кровати и пошла в ванную. Долго стояла под горячим душем и молча смотрела в одну точку. Мыслей почти не было, только звенящая пустота в теле, голове, внутри. Будто бы я предала человека. Тогда мне казалось, что предала «Касатку». Но сейчас понимаю, кого я на самом деле предавала в тот момент.

Не знаю, что мной руководило и как я набралась смелости сделать то, что сделала. Наверное, просто устала слишком долго бояться и решила прыгнуть в пустоту без страховки.

Я взяла телефон, открыла What'sApp и набрала

«Касатке» короткое сообщение: «Приезжай и забери меня отсюда. Прямо сейчас. Или забудь обо мне навсегда». Сообщение отправлено. Я стояла и смотрела на экран. «Касатка» онлайн. Рядом с текстом появились две синие галочки — сообщение прочитано. Сердце сжалось. Я ждала ответа, забыв при этом дышать. Потом мигнуло: « печатает.....»

Я почти физически ощутила как ускорило время, а в висках пульсирует кровь. «Хорошо» — короткий ответ. Всего одно слово. Я не могла быть уверена на 100% приедет-ли он на самом деле.

Выйдя из ванной, я направилась в спальню. Немец лежал, докуривая сигарету. Я осторожно присела на край кровати, посмотрела на него и начала:

— Штэфан, мне нужно тебе кое-что сказать.

Он внимательно посмотрел на меня и дал понять, что я могу продолжить.

— Я не люблю тебя, — выпалила я, — и никогда не любила.

Он опешил. На лице застыл неподдельный шок. На секунду я запнулась, а он тут же стал меня о чем-то спрашивать. Но я его перебила:

— Дай мне закончить, — мне нужно было договорить до конца, пока не исчез голос от страха.

— Я не хочу больше тебя обманывать. Я не могу с тобой жить. Когда я сюда ехала, мне казалось, что смогу. Но я не могу. Не могу и не хочу так больше жить. Поэтому я ухожу. Прямо сейчас.

От услышанного у него округлились глаза и изменилось лицо до неузнаваемости. После всего сказанного мне стало еще страшнее. Я осторожно встала и направилась к двери, прихватив только сумочку с паспортом. Он тут же метнулся следом, перегородил путь и начал быстро говорить, что этого не может быть, что это неправда и что я не могу так с ним поступить.

Не знаю, откуда в тот момент у меня взялись силы и смелость отодвинуть его от двери. Но стоило мне шагнуть в коридор, как в квартире прозвенел звонок. Я открыла входную дверь. На пороге стоял взволнованный «Касатка». Я переступила порог и захлопнула за собой дверь.

На улице была середина июля, ночь стояла теплая, а меня колотило как, в двадцати градусный мороз.

Что было дальше, я помню обрывками. После пережитого стресса, как только мы добрались до квартиры Регины, я провалилась в тяжелый сон. Спала тревожно. Мне снился Штэфан. Он просто

стоял и смотрел, а я изо всех сил пыталась бежать, но ноги не слушались.

Проснувшись от запаха жареного бекона и яичницы.

— Пахнет вкусно, — сказала я улыбаясь и обняла «Касатку».

Впервые за долгое время я почувствовала себя в безопасности, где не нужно оглядываться. Теперь со мной мужчина, который не говорил громких слов, а просто был рядом.

После завтрака реальность медленно начала накатывать холодными волнами. У меня не было с собой ничего. Ни одежды, ни вещей. Только домашние тапочки, шорты, футболка, в которых я была накануне, и сумка с телефоном и паспортом.

Телефон разрывался. Десятки пропущенных, бесконечные голосовые и текстовые сообщения. Рано или поздно, но придется ответить, хотя бы из-за вещей.

Я написала Штэфану с просьбой отдать мои вещи, с которыми я приехала. Это было всего 2 чемодана, которые связывали меня с прошлой жизнью. В ответ получила ультиматум: либо я возвращаюсь, либо вещей больше никогда не увижу.

И тут в памяти всплыла фраза из известного фильма: «Все, что нажито непосильным трудом — все пропало» И речь шла уже не только о чемоданах.

Через пару недель пришло письмо от его адвоката. Штэфан подал на развод.

В Германии, даже без совместных детей, действует правило раздельного проживания: развод оформляют не раньше чем через год, и только если оба подтвердят намерение. Моя трехгодичная виза, по воссоединению семьи оказалась под серьезным ударом. Так или иначе, впереди у меня был ровно год, чтобы найти легальный способ остаться.

О том, что в Германии государство оплачивает жилье и покрывает базовые нужды, я узнала благодаря «Касатке». Он зарегистрировал меня в местном центре занятости. Меня сразу отправили на интеграционные курсы и назначили пособие — четыреста евро в месяц.

На первое время Регина одолжила мне кое-что из своего гардероба. Правда, наши размеры и представления о прекрасном совпадали примерно так же, как мои ожидания от брака с реальностью.

Поэтому значительную часть пособия я тратила на одежду.

Я несколько раз пыталась договориться о возврате своих вещей — сначала напрямую со Штэфаном, затем через его адвоката. Безрезультатно. Тогда мне пришла в голову идея обратиться в полицию и написать заявление о краже.

Насмотревшись в детстве фильмов о хваленой европейской демократии и наслушавшись историй о том, как строго здесь соблюдаются законы, я искренне верила в справедливость. В то, что достаточно просто прийти и рассказать правду.

Заявление, конечно, приняли. Вежливо, по инструкции. Все аккуратно запротоколировали. Вот только дальше бумаг дело не пошло. Шли недели. На улице уже становилось по-осеннему холодно. До моих вещей никому не было дела.

И тогда, от злости, обиды и бессилия, я зашла в интернет-магазин и заказала осеннюю куртку, кроссовки и пару теплых свитеров. С доставкой на новый адрес. Важно то, что оплатила я этот заказ кредитной картой Штэфана. Точнее — фотографией его карты, когда-то сохраненной в моем телефоне.

Хоть какой-то способ вернуть справедливость.

Но у местных бюргеров оказалось свое представление о справедливости. История не осталась незамеченной. Спустя некоторое время меня вызвали в суд в качестве обвиняемой по делу о

«компьютерном мошенничестве». Формулировка звучала очень солидно.

В зале заседания сидели Штэфан с адвокатом,

прокурор — сторона обвинения, и я. Без своего адвоката. Зато с государственным переводчиком.

Я до последнего верила в пресловутую европейскую справедливость. На суде мне даже казалось, что все не так уж плохо, как выглядит со стороны. Да, поступок не из лучших. Но ведь у меня было оправдание.

Человек, который меня обвинял, сам удерживал мои вещи и не собирался их возвращать. А их стоимость куда превышала те 250 евро, списанные с его карты.

Когда очередь дошла до меня, прокурор задал простой вопрос:

— Госпожа Васмер, вы признаете себя виновной в совершении преступления — компьютерного мошенничества?

Я хотела объяснить, что именно подтолкнуло меня к этому шагу. Но прокурор — с лоснящимся красным лицом и пивным животом, человек, которого, судя по взгляду, интересовало скорее то, что жена приготовит сегодня на ужин, чем моя судьба, — даже не дал мне закончить.

— Только «да» или «нет», — сухо перебил он.

В зале повисла тишина. Такая, в которой слышно не только слова, но и собственное дыхание. Я чувствовала, как пространство сжимается. Будто у меня отняли право на голос, а я даже не сразу

заметила, в какой момент перестала быть участником процесса. Объяснять было бессмысленно. Я видела это по лицам. Им не нужны были мои истории. Им нужен только короткий, сухой ответ.

Я перевела взгляд на Штэфана. Он смотрел прямо перед собой, спокойно, почти равнодушно. Как человек, который уже знает исход игры. Его адвокат что-то тихо записывал в блокнот. Прокурор ждал.

Переводчик рядом со мной тоже ждал, готовый озвучить мой ответ. Все хотели поскорее закончить с этим и разойтись по своим делам.

Я медленно выдохнула. И вместе с этим выдохом, еле слышно, ответила: — Да.

А дальше всё стало происходить слишком быстро, чтобы я успевала осознавать. Меня признали виновной и приговорили к 190 суткам лишения свободы с занесением в федеральный реестр.

На тот момент мой немецкий был настолько слабым, что я даже не сразу поняла смысл приговора. Осознание пришло позже — уже когда я вошла в тесную камеру с решётками вместо окон.

Я была не одна. В камере уже сидели две женщины. Турчанка средних лет — за торговлю наркотиками, и совсем молодая румынка, обчищавшая квартиры пожилых бюргеров. Мы молча посмотрели друг на друга. Никто не задавал вопросов. В тюрьме их

обычно не задают — здесь все и так понятно. В прошлых жизнях мы были слишком разными. Но здесь, в тесной камере с решетками вместо окон, вдруг оказались почти одинаковыми. Просто женщины, которым где-то не хватило удачи, осторожности или правильного выбора.

Турчанка молча курила, глядя в потолок. Румынка пошла заваривать чай. Я же сидела и думала о своей

«новой жизни». О том, как оказалась здесь. Все выглядело нереальным — будто сюжет из фильма. Чужой сценарий, в который я случайно попала. Но железная дверь без ручки за спиной была слишком настоящей.

Я сидела и думала не о тюрьме. Не о сокамерницах.

Я думала о визе. О том, что, выйдя отсюда, мне, возможно, придется возвращаться в Украину. О том, что один штамп в паспорте способен перечеркнуть все. Что страна, в которую я так стремилась, в любой момент может сказать: «Вы нам больше не подходите». О том, как все хорошо начиналось. Как я ехала сюда с ощущением новой жизни — с верой в стабильность, в законы, в справедливость. И о том, чем это сейчас оборачивается. Протоколом, приговором, записью в реестре. И двумя чемоданами, которые я так и не получила обратно.

Чтобы хоть как-то отвлечься, я стала разглядывать надписи, выцарапанные на серой стене у койки.

Почерки разные, национальности — тоже. Но одна

фраза зацепила особенно. Та, что заставила улыбнуться там, где причин для улыбок было совсем немного. Написана по-русски: «Где нас только нет». Я провела пальцами по холодной стене и впервые за долгое время не почувствовала себя совсем одной.

Примерно через неделю за мной пришли и велели собрать казенные вещи. За меня заплатили — теперь я свободна.

Как оказалось, в Германии тюремный срок можно заменить денежной выплатой. Наверняка это правило работает не для всех, но в моем случае сработало. За меня заплатил «Касатка» — около трех тысяч евро. Я расписалась в каких-то бумагах, и мы вышли на улицу. Уже во второй раз этот человек меня спас.

К счастью, после этого случая депортации не последовало, и трехлетнюю визу тоже не аннулировали. Казалось, жизнь потихоньку налаживалась. Я всё ещё была в Европе. Рядом — надежный мужчина.

Мы по-прежнему ютились в квартире Регины. Она собиралась вот-вот выйти замуж за швейцарца и перебраться к нему. А мы должны были остаться здесь — уже в качестве полноправных хозяев. То есть новых арендаторов.

Наша жизнь потекла в спокойном бытовом русле. Днем я ходила на государственные языковые курсы.

«Касатка» искал работу: пробовал разные места, даже задержался на пару месяцев в какой-то семейной фирме по производству мелких деталей.

Мы не хватали звезд с небес. Но нам это было и не нужно. Нам хватало друг друга: вместе готовить ужины, засыпать в обнимку и строить планы на счастливое будущее.

Конечно, я уже должна была понять: когда все идет слишком гладко, это всего лишь передышка. В одно ничем не примечательное утро, пока я сутилась на кухне, в дверь постучали.

На пороге стоял владелец квартиры — в сопровождении полицейских и женщины из исполнительной службы.

Моей первой мыслью было: «Ну вот и все. Все кончено. Сейчас меня депортируют». Я почти угадала. Ошиблась лишь в деталях.

Депортировать собирались не только меня, но и всех жильцов этой квартиры — в приют для бездомных. Как нам с «Касаткой» объяснили, Регина уже долгое время не оплачивала аренду. На письма арендодателя не реагировала и вообще не выходила с ним на связь. Господину Тричлеру не оставалось ничего, кроме как обратиться в суд, чтобы вернуть

свое. Теперь нам молча тыкали в лицо решение о выселении, уже вступившее в законную силу.

Я уже начинала привыкать к тому, что Германия не дает расслабиться ни на секунду. Стоило выдохнуть — и почва снова уходила из-под ног. Я не знала, что нам делать, куда идти и как такое вообще могло произойти.

Поскольку я не могла общаться по-немецки даже на примитивном уровне, молча заби-лась в угол комнаты и просто сидела, ожидая, что будет дальше.

Приют для бездомных. Слова прозвучали так буднично, будто речь шла о временном переезде на дачу. Бездомная. Это слово не имело ко мне никакого отношения. Внутри стало так пусто, как в комнате после выноса мебели. У бездомных должны быть другие лица. Серые. Ввалившиеся. Пустые глаза. Они всегда ходят с тележками из супермаркета, в которые умещается вся их жизнь. У них должна быть своя история падения, свой запах.

У меня всегда был адрес. Всегда. Я вдруг отчетливо вспомнила наш дом в детстве — теплый пол на кухне, запах свежесваренного борща с фасолью, зеленые шторы в гостиной. Потом — нашу с первым мужем квартиру в центре, взятую в ипотеку, розовую плитку в ванной, первый совместный диван, который впоследствии обоссал наш кот. Даже после развода я осталась там жить.

А теперь какие-то незнакомые люди в куртках с городской эмблемой на иностранном языке объясняли, что прямо сейчас отвезут меня в приют. В этих словах сквозила вязкая тоска и безнадега.

Каким-то божьим провидением, после долгой и напряженной беседы, «Касатке» удалось выторговать для нас еще месяц — чтобы найти новое жилье.

Для тех, кто не жил в Европе, месяц может показаться внушительным сроком. В реальности же это больше похоже на лотерею. За такое время можно найти разве что место в курятнике втридорога — и то, если куры будут к вам благосклонны.

Не знаю, как обстоят дела с арендой в остальной части Германии, но в нашем приграничном городке с населением в 150 000 человек найти хоть какую-то квартиру было сродни квесту на расизм, бюрократию и ежедневное доказательство того, что ты вообще достоин крыши над головой.

Поиск квартиры здесь начинается с анкеты на десять страниц и выглядит примерно так:

— Уважаемые дамы и господа...

— Меня зовут...

— Я и мой супруг работаем в таких-то

компаниях. Наша зарплата после вычета налогов составляет... Обязательно нужно сразу прикладывать зарплатные ведомости минимум за последние шесть месяцев.

— Контракт о работе бессрочный.

Для арендодателя этот пункт звучит почти как бальзам на душу. Он означает, что даже если вас уволят на следующий день после подписания договора, вы все равно сможете платить. На вашей стороне будут суды, страховки и социальная система.

— Рассматриваем долгосрочную аренду. — Обязательно указать причину переезда.

— Нам очень понравилась ваша квартира. Мы уже представляем себя в ней.

— Благодарим за обратную связь. Очень надеемся, что вы пригласите нас на просмотр.

И если вам повезет пройти предварительную фильтрацию еще на стадии анкеты и получить приглашение на просмотр, будьте готовы: в назначенный день придут такие же желающие, как и вы. Начинается своеобразный кастинг — кто произведет лучшее впечатление на работодателя. И даже здесь есть свои правила. Если вы эмигрант и ваш немецкий не дотягивает до уровня «я могу аргументированно спорить с чиновником», то даже

при наличии банковской истории, способной впечатлить миллионера, квартиру вам, скорее всего, не получить.

Мы с «Касаткой» были эмигрантами. Я по-немецки не говорила вообще, он — с сильным восточным акцентом. Оба без работы. Оба на пособия от государства. С такими картами искать жилье — да еще и в столь сжатые сроки — было больше похоже на игру в рулетку. Причем правила этой игры придумывали не мы. Мы уже начинали с отрицательного баланса.

Перед заселением нужно оплатить так называемый залог — *Kautiön* — обычно за два, а иногда и за три месяца аренды. И это помимо первого месяца.

Конечно, мы искали самые дешевые варианты, хотя таких здесь немного. Все дело в соседстве с богатой Швейцарией. Многие швейцарцы экономят на аренде и живут в Германии, даже если им приходится каждый день ездить на работу через границу.

Поэтому за 700 евро можно было рассчитывать разве что на убитую однушку в доме довоенной постройки с видом на помойку или на завод по производству куриных бульонов. И, конечно, квартира окажется пустой — как надежды всех эмигрантов на красивую европейскую жизнь. Здесь не принято сдавать жильё с мебелью.

Несмотря на все эти, казалось бы, непреодолимые трудности, удача все-таки нам улыбнулась. В самый последний момент мы нашли квартиру. Точнее — чердак.

Владельцем чердака был некий господина Чаудари из Пакистана. Как именно эмигрант из Азии, с трудом говоривший по-немецки, стал владельцем недвижимости в приграничном со Швейцарией городе — вопрос интересный. Но в тот момент нас это не особенно занимало. Когда на носу перспектива ночевать в приюте, философские вопросы отходят на второй план.

Залог — *Kautiön* — за нас внес джобцентр. Потом эту сумму аккуратно начали вычитать из нашего пособия. По частям. Чтобы мы не забывали, кто именно помогает нам начать новую жизнь.

Когда мы сообщили Регине о происходящем, она была «почти» в свадебном путешествии на Майорке с Кристианом. Свадьба с ним напоминала линию горизонта — чем ближе подходишь, тем дальше отодвигается. Она пребывала в своем привычном состоянии — слегка навеселе, — и отреагировала предсказуемо:

— Все, что ни происходит, — к лучшему. Я никогда не была счастлива в этой квартире. Мы с Кристианом скоро поженимся, так что мне есть где жить. Сына тоже пристрою.

Говорила легко, даже весело. Словно давно была к этому готова. Стало ясно: проблемы, которые она сама же и создала, волновали ее меньше всего. То, что через какое-то время Регина с сыном окажутся у нас,

— случится позже.

Нелишним будет упомянуть еще одну деталь: несмотря на пятнадцать лет жизни в Германии, наша

«невеста» так и не получила постоянного вида на жительство. Она ни дня не работала официально и находилась в стране исключительно благодаря двум детям, рожденным от гражданина Германии. Но как только младшего сына забрал к себе Николай, а старшему исполнилось восемнадцать, оснований для пребывания в стране у нее практически не осталось.

Можно, конечно, было пойти работать. Но Регина и работа были далеки друг от друга так же, как Северный полюс от Южного — формально на одной планете, но встретиться им не суждено.

А пока мы занялись переездом. Часть мебели из трехкомнатной квартиры перевезли в нашу однушку. Что-то удалось продать, что-то вывезли на помойку, что-то просто раздали.

Наше новое жилье располагалось на склоне одной из окраин города, в здании шестидесятих годов постройки, рядом с лесом. К нашему удивлению, в этом районе в основном стояли дома и виллы обеспеченных бюргеров с аккуратно

подстриженными газонами и бирюзовыми бассейнами. Лишь изредка попадались домики вроде нашего. С детскими вещами на веревках и пластиковыми прищепками. Со старыми шкапами на балконах, куда складывают ненужный хлам. Эти здания выглядели здесь так, будто их забыли убрать.

Наши вымученные пятьдесят восемь квадратных метров находились на чердаке. Это была одна большая комната, служившая одновременно прихожей, кухней, столовой, спальней и гардеробной. Зато была одна огромная компенсация за все неудобства — потрясающий вид на швейцарские Альпы в солнечную погоду.

Мы радовались как дети. Наконец-то у нас появился свой угол, свое приватное пространство. Еще многое предстояло обустроить, но хотя бы одна базовая потребность в крыше над головой была закрыта.

Постепенно мы начали обживать. Появились первые признаки того, что это пространство может стать нашим домом. На кухне — наши кружки, на стенах — совместные фотографии, на балконе мы посадили цветы и по вечерам сидели там, пили чай при свечах, слушали тишину и делали вид, что это и есть тот самый европейский уровень жизни из рекламных буклетов.

Мы радовались мелочам — полному холодильнику, вкусному кофе по утрам, работающему интернету, тому, что аренда оплачена и завтра не придут люди с бумагами и печатями, объяснять, что мы здесь временно.

Когда появился Йоми, мы стали полноценной семьей. Я давно мечтала о йоркширском терьере. И несмотря на то, что в договоре аренды был прописан пункт о запрете животных, мы решили закрыть на него глаза. Иногда правила существуют, чтобы их нарушать. Этот пушистый комочек счастья быстро занял свое место — между нами на диване, в наших разговорах и в нашей новой жизни.

Жизнь вроде бы постепенно стала налаживаться.

«Касатка» нашел неплохую работу массажистом в отеле, а я получила свой первый сертификат по немецкому — уровень B1. Успешно сдала интеграционный экзамен под названием «Жизнь в Германии», набрав 33 балла из 33. Чем, надо признать, очень гордилась.

Джобцентр не терял надежды пристроить меня хоть на какую-нибудь работу. Но мне нравилось жить в своем спокойном темпе — валяться днями напролет с книгой на диване и гулять по лесу со своим

«псыном».

Марк тем временем обрстал полезными знакомствами. В основном клиентами отеля

были обеспеченные немцы и швейцарцы. Зная характер и закрытость этих наций, расположить к себе таких людей было почти нереально. Но благодаря врожденной харизме и подвешенному языку моему «Касатке» это удалось. Поэтому однажды одна из гостей отеля предложила ему работу в спа-центре в швейцарском городке — примерно в двадцати минутах езды от нас.

Предложение выглядело почти как подарок небес.

Даже местные немцы в разговоре часто стараются упомянуть, что работают именно в Швейцарии, — тем самым автоматически повышая свой статус и в собственных глазах, и в глазах собеседника.

А так как у моего «Касатки» удерживали треть зарплаты на алименты, он фактически все это время работал за уровень социального пособия: по восемь, а иногда и по десять часов в день, на ногах, работая руками. Швейцарская зарплата позволила бы ему расквитаться с долгами и существенно улучшить наше материальное положение.

Конечно, пока это было только предложение. Мы старались не радоваться слишком рано. Слишком хорошо все это звучало.

Продолжая работать у прежнего работодателя, мы выкроили выходной и поехали на пробный день. Я старалась не думать о том, что все может закончиться, даже не начавшись. Пока «Касатка» демонстрировал

свое мастерство, мы с Йомафоном гуляли в соседнем парке, и я мысленно рисовала себе наш новый жизненный этап.

Через пару часов к нам вышел «Касатка».

— Как всё прошло? — я была немного взволнована. Он улыбнулся слишком уверенно.

— Лучше и быть не может, — довольно ответил

он. — Я массировал шефию. Именно она решает, возьмут или нет. Поначалу мы обсуждали, что мне придется приехать еще на пару дней, но я максимально вложил в массаж, и она осталась в диком восторге. В конце мы уже перешли к обсуждению зарплаты и того, как быстро я смогу приступить к работе. Теперь мне нужно только подписать контракт, уволиться из отеля и отработать свой *Kündigungsfrist* — трехнедельный срок уведомления после увольнения.

Ну наконец-то. Наконец-то и к нам жизнь повернулась лицом. Я всегда верила в некий вселенский баланс: после грозы обязательно выходит солнце, и где-то на горизонте появляется радуга. Тем не менее мы договорились никому об этом не рассказывать — по крайней мере до подписания рабочего контракта. Не стоит недооценивать силу зависти.

Это предложение было похоже на последнюю возможность изменить жизнь к лучшему. Моему

«Касатке» было уже сорок восемь — возраст, прямо скажем, не самый подходящий для карьерных подвигов. Да и с документами все было не так гладко. Постоянный ВНЖ в Германии у него уже был, но немецкий паспорт он так и не оформил. Пока были живы родители, не хотел зависеть от виз и каждый раз оформлять разрешение на встречу с ними. Да и когда в семье не все ладилось, оставалась мысль: если что — можно вернуться. А после развода, потери работы и долгов по алиментам идея немецкого паспорта стала чем-то почти недостижимым — как будто жизнь сначала требует расплатиться по счетам, а уже потом позволяет строить будущее.

Конечно же, Марк с самого начала заговорил о том, что у него нет европейского паспорта. Шефия отреагировала спокойно — даже чуть удивленно.

— Об этом вам точно не стоит беспокоиться, — уверенно сказала она. — Если мы предлагаем человеку контракт, дальше это уже формальность. Требуется лишь одобрение кантональной миграционной службы.

Слово «одобрение» прозвучало как что-то из другой реальности. Они только что обсуждали зарплату, график и дату выхода, а теперь все снова зависело от чьей-то печати.

— Вам не о чем беспокоиться, — повторила она.

— Мы уже проходили эту процедуру много раз. От вас нужны лишь сканы паспорта и пластиковой карты ВНЖ. Остальное мы возьмем на себя.

Мы все равно не спешили с увольнением — вдруг снова что-то пойдет не так. Слишком часто в нашей жизни все рушилось в самый последний момент. Но через пару дней «Касатке» позвонили и попросили заехать за контрактом. Начинать нужно было уже через месяц. Времени на сомнения не оставалось. Он написал заявление на увольнение.

Контракт! Швейцарский рабочий контракт! Вот это да! Конечно, придется вкалывать как папа Карло, а не сидеть в кожаном кресле, попивая кофе. Зато и отдача будет соответствующей. Не выживание — нормальная жизнь.

— Закрою долги — сразу возьмем новую тачку. Раз в неделю будем обязательно выбираться в ресторан.

Два раза в год — отпуск. На море и в горы, — рассуждал «Касатка», разгоняясь все сильнее.

— Я смогу. Когда знаешь, за что работаешь, появляется драйв, азарт. Я там себя покажу. Зарекомендую на высшем уровне.

Я хотела верить в это будущее. Очень хотела.

Слушала его, улыбалась и думала о том, что его голос звучал так бодро и уверенно. Контракт уже подписан. Казалось, теперь все пойдет именно так, как он говорит. Стоит лишь немного подождать — и жизнь постепенно начнет складываться именно так, как мы себе ее представляли.

До выхода на новое место оставалось всего пару дней. Нужно было уточнить последние детали, поэтому «Касатка» написал секретарю.

Секретарем была молодая девушка из Бразилии — госпожа Anastácio. Именно с ней он все это время поддерживал контакт. Он написал ей в WhatsApp и попросил рассказать о деталях первого рабочего дня.

Сообщение было прочитано почти сразу, а потом она перезвонила. Она говорила по-немецки с легким португальским акцентом и характерной швейцарской интонацией.

— Привет, Марк. У меня для тебя не очень хорошие новости.

Он сразу напрягся.

— Миграционная служба отказала в твоём разрешении на работу. Мне правда очень жаль. Ты нам очень понравился.

На секунду повисла тишина. Где-то на заднем фоне была слышна музыка, чей-то смех, негромкое

жужжание кофемашины — жизнь там продолжалась как обычно.

— Но ты все равно заходи к нам в SPA-центр, — уже почти весело добавила она.

— У нас сейчас хорошая скидка на семейный абонемент.

Я не слышала, что именно она сказала, но по его лицу — особенно по глазам — все стало ясно.

Надежды снова оказались пустыми. И хуже всего

было даже не это. А то, что он уже уволился. В Германии, если уходишь по собственному желанию, помощь от государства приходит не сразу. Три месяца санкций, чтобы ты сполна прочувствовал последствия своего «свободного выбора».

Так или иначе, случилось то, что случилось. А значит, оставалось только жить дальше. С тем, что есть.

После всего произошедшего я все чаще думала о том, как устроен этот мир. Если человек хочет работать, полон сил и мотивации — этого оказывается недостаточно. Иногда решает просто паспорт. Его цвет. Все это больше похоже на карточную игру. Есть паспорта — как тузы и короли. Их хотят все. А есть — как шестерки. Почти ничего не значащие в большой игре. Иногда кажется, что эта игра изначально не для

тебя. Но ты все равно в ней. Я часто слышала: «У вас паспорт страны третьего мира». Третий мир — как третий сорт. Страны, как и людей, тоже сортируют. В какой-то момент я поняла простую вещь: порой

«правильный» паспорт значит больше, чем харизма, опыт и искреннее желание доказать, что ты достоин этой жизни. Он определяет все. Где ты живешь. Как. И как далеко тебе до жизни, которая для других — простая обыденность.

Чтобы продержаться эти три месяца, «Касатка» нашел подработку — ухаживать за садом у какого-то швейцарца за восемнадцать франков в час. Весна тогда пришла рано. Было тепло, солнечно. Он стриг деревья, собирал сухие ветки, приводил участок в порядок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.